

Г. П. Данилевский

Потемкин на Дунае

Исторический роман

Авантюристы: Из эпохи царствования Екатерины Великой / Шардин А. Польский проходимец, или На рубеже столетий. Исторический роман. Данилевский Г. П. Потемкин на Дунае: Исторический роман. Мордовцев Д. Л., Авантюристы: Историческая повесть.-- М.: Современник, 1995. (Золотая летопись России).

[OCR Бычков М. Н.](#)

Сей остальной из стаи славной

Екатерининских орлов...

Пушкин

В одном из городов Бессарабии в минувшем году понадобилось занять под военный склад часть каменного здания, заваленного делами какой-то всеми забытой интендантской комиссии. При переноске бумаг на чердаке архива, среди разного хлама, обратили внимание на старомодную, безногую шифоньерку. В ней оказались часть разных полуистлевших фуражных дел известного в походах Суворова Фанагорийского пехотного полка и связка тетрадей из синеватой, плотной, мелко исписанной бумаги с заголовком: "Памяти российского Агамемнона". Сбоку одной из страниц приписка: "О моем, полном треволнений, примечательных встреч и событий, незабвенном пребывании на Дунае писал для своих детей и внуков секунд-майор Савватий Бехтеев".

В тексте найденной рукописи заменены лишь некоторые совсем устарелые слова,-- теперь мало даже понятные, и рассказ разделен на главы.

I

...Зимой, в начале 1790 года, в Петербурге было особенно много веселостей. Не забуду я той поры до конца жизни.

Выпущенный из кадет морского корпуса во флотские батальоны, состоявшие лично при особе наследника-цесаревича Павла Петровича, я проживал в Гатчине, но нередко отлучался на побывку и в столицу. Моим батальонным был сам государь-наследник, как генерал-адмирал и президент морской коллегии; другими командовали Неплюев, Аракчеев и Малютин.

Моряки особенно любили цесаревича; но его "финанции" были нарочито не обширны, а подчас и ой как скудны. Мундирчики наши, на прусский лад короткие и темно-зеленые, были часто из перекрашенного суконца, а потому, побывав на солнце, даже притом пегие. Но мы не унывали, кое-как, хоть тесненько, "обосторожились" и в поношенной амуниции, не уступая щеголям и петиметрам, отдавали охотно дань молодости и свету. Ах, время, время, неизгладимое в сердцах и в памяти тогдашних людей!

То был двадцать восьмой год преславного государствования великой монархини Екатерины Второй. Она старалась, но не уставала в знаменитых делах. Блеском был окружен ее престол. Первая турецкая война -- Румянцевская -- кончилась: продолжалась вторая, Потемкинская. Мы, кадеты, собираясь на свободе о том о сем потолковать, мало говорили о громких внутренних событиях протекших времен, о заседаниях в Зимнем дворце именной комиссии для начертания "Нового уложения", равно как о Пугачеве и укрощении его приснопамятного бунта. Зато на устах всех были имена Потемкина и Суворова, особенно последнего. Нас тянуло на Дунай, туда, где, казалось, так близко осуществление новой великой Восточной системы, сиречь бессмертного "греческого прожекта" светлейшего, изгнание